

ПАРТИИ ДЛЯ ВСЕЙ АЗИИ

Борис Волхонский

Вторая половина XX века в Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии прошла в условиях доминирования де-факто однопартийных систем. Формы были различны – от тоталитарной диктатуры в Северной Корее до плюралистической демократии в Индии, но можно выделить схожие факторы, обусловившие возникновение и закат «всеохватных» партий.

Подъем

Главный фактор объединения нации под знаменами одной политической силы – наличие врага, против которого надо выступать единым фронтом. В Азии в роли врага, как правило, выступали колониальные метрополии. Как отмечает директор программы Южной Азии Вашингтонского Центра стратегических и международных исследований Терезита Шеффер: «*Становление Индийского национального конгресса (ИНК) как «всеохватной» партии – случай типичный для партий, которые вырастают из движений за национальную независимость*».

Враг не обязательно должен быть внешним. Формирование Либерально-демократической партии Японии (ЛДПЯ), правившей в стране в течение всех послевоенных лет, было вызвано хаосом в стране и ростом влияния левых сил. Угроза их победы заставила общество объединиться и выставить в качестве противовеса единую политическую силу. Получившуюся систему стали называть «полупартийной».

Удержание власти

Методы удержания власти были различны.

Крайний случай представлен в странах, до сих пор не отказавшихся от лозунгов социализма и коммунизма (Китай, Вьетнам, КНДР). Там правящая партия была и остается «руководящей и направляющей» силой. Впрочем, социалистические

страны – особый случай: **при отсутствии состязательного избирательного процесса «партия для всех» является не средством привлечения избирателей, а одним из инструментов государственной машины управления.**

В условиях реальной многопартийности «всеохватным» партиям удавалось относительно долго сохранять свою монополию – порой по прямо противоположным причинам.

Экс-премьер Японии Дзюньитиро Коидзуми был настолько не похож на других политиков Японии, что теперь аналитики говорят, что его главной целью был развал правящей Либерально-демократической партии

В Японии и некоторых небольших странах Юго-Восточной Азии отсутствие вызовов монополии правящих элит объяснялось относительной этнической и социальной однородностью обществ. В других случаях доминирование «партии власти» обеспечивалось силовыми методами. В Южной Корее до середины 1980-х годов правили диктаторские режимы. В Индонезии в период правления Сухарто партия Голкар являла собой смычку государственной и партийной машин управления. Практически везде в Восточной и Юго-Восточной Азии **отсутствие политической конкуренции и стабильность власти стали одним из главных факторов, обеспечивших «экономическое чудо» 1960–1990-х годов.**

В Индии, где на протяжении всего периода независимости принципы демократии подвергались сомнению лишь однажды – в период чрезвычайного положения 1975–1977 годов, монополия ИНК обеспечивалась иными факторами. В условиях чрезвычайной социальной, этнической, религиозной неоднородности общества существует множество мелких партий, способных претендовать на власть в отдельных штатах, однако

ни одна из них не может составить конкуренцию «всеохватной» монополии ИНК на общенациональном уровне.

Как отмечает Терезита Шеффер, «*лидеры региональных партий рассматривают штат как главную сферу приложения своих амбиций и не горят желанием выходить на общенациональную сцену*».

Лидер

Поскольку «всеохватная» партия апеллирует ко всем слоям населения, идеология отходит на второй план. Особое значение приобретает фигура лидера.

Так, ИНК всегда был партией Джавахарлала Неру, а впоследствии – членов его клана. Впрочем, **весомость фигуры лидера снижа-**

лась параллельно со снижением значимости партии. При Неру авторитет лидера и претензии партии на власть были неоспоримыми. Его дочери Индире Ганди удавалось поддерживать свой личный авторитет и авторитет партии во многом «по инерции». Но в 1977 году ИНК впервые в истории Индии потерпел сокрушительное поражение.

После убийства Индиры Ганди в 1984 году лидером ИНК и премьером Индии стал ее сын Раджив, не имевший такого авторитета, как его мать, не говоря о деде. В 1989 году ИНК вновь потерпел поражение.

После убийства Раджива в 1991 году лидером ИНК стала его вдова Соня Ганди. Но, будучи иностранкой по рождению, претендовать на роль лидера нации она не могла. Когда ИНК вернулся к власти в 2004 году, Соня Ганди была вынуждена отказаться от поста премьера.

В других странах партии, созданные «под лидера», удерживались у власти только до тех пор, пока сохранял авторитет сам лидер. Так, потерял свою монополию Голкар в Индонезии после смещения Сухарто в 1998 году.

Ярчайший пример – партия «Тай рак тай» («Тайцы любят тайцев»), созданная Таксином Чинаватом в 2000 году. Эта чисто популистская партия в 2001 году триумфально выиграла выборы, а в 2005 году столь же триумфально победила вновь. Но уже в 2006 году Чинават был отстранен от власти в результате переворота и был вынужден отправиться в изгнание.

В Японии картина иная. Как отмечает профессор Университета Калифорнии в Дэвисе, автор книги «Демократия без конкуренции» Итан Шайнер, «в Японии партия способна пережить своего лидера, потому что личный фактор не имеет большого значения. Исключением был Коидзуми, но это совершенно уникальный случай».

Закат

Итогом функционирования «всеохватных» партий в странах, где не установлено авторитарное или тоталитарное правление, является их постепенный закат и поте-

ря монополии на власть.

Партии, создаваемые на чисто популистских основах, как «Тай рак тай», видимо, вообще не могут рассматриваться как проекты, рассчитанные на длительную перспективу.

Но и партии с давними традициями также оказываются обреченными – если не на полный упадок, то, по крайней мере, на утрату своей монополии. **Стремление стать «партией для всех» оборачивается «партией ни для кого».**

Иногда утрата монополии происходит по внутрипартийным причинам. В Японии в конце 1990-х годов часть высшего руководства

Бирме). Они же периодически отстраняют от власти гражданские правительства в Таиланде.

Показательна история Пакистана, где отмеченные выше противоречия проявились особенно ярко. Изначально «всеохватной» партией была Мусульманская лига, сама отколовшаяся от Индийского национального конгресса, претендовавшего на то, чтобы представлять интересы всего населения бывшей Британской Индии.

Пестрота этнического состава Пакистана приводила к перекосу власти в пользу доминирующего этноса – панджабцев, а это в свою очередь приводило к вспышкам

Итогом функционирования «всеохватных» партий является их постепенный закат и потеря монополии на власть. Партии, создаваемые на чисто популистских основах, не могут рассматриваться как проекты, рассчитанные на длительную перспективу

ЛДПЯ вышла из партии и создала ее «клон» – оппозиционную Демпартию (ДПЯ), практически не отличимую от ЛДПЯ по своим программным установкам. ДПЯ выиграла выборы в верхнюю палату парламента в 2007 году и вполне готова отобрать власть у ЛДПЯ.

В других случаях **попытка «охватить неохватное» оборачивается тем, что из электоральной базы выпадают отдельные социальные группы.** Так, ИНК постепенно лишился поддержки не только региональных элит в ключевых штатах, но и низких каст и мусульман, всегда рассматривавшихся как основной избирательный ресурс партии. По мнению Терезиты Шеффер, лидер далитов (низших каст и неприкасаемых) Маявати, занимающая пост главного министра самого крупного штата Уттар-Прадеш, уже в ближайшей перспективе может стать общенациональным лидером.

«Третья сила»

Ослабление «партии власти» неизбежно приводит к тому, что **на первый план выходит «третья сила», часто представленная военными.** С 1960-х годов военные безраздельно правят в Мьянме (бывшей

недовольства, погасить которые могли только военные.

В 1967 году один из бывших лидеров Мусульманской лиги и выходец из иной региональной элиты – провинции Синд – Зульфикар Али Бхутто основал Пакистанскую народную партию. В редкие периоды гражданского правления две региональные партии перетягивали власть друг у друга, претендуя на статус «партии для всей страны». Победа одной из элит приводила к созданию системы, основанной на кровных и дружеских связях, разгулу коррупции, и итогом становилась либо смена правящей элиты, либо очередной военный переворот.

Сегодня, после 9 лет правления генерала Первеза Мушаррафа, власть вернулась в руки гражданских правителей. Однако межпартийные противоречия все громче дают о себе знать, и наблюдатели гадают: что произойдет раньше – новый военный переворот или **распад ядерной державы на несколько самоуправляющихся княжеств, неподконтрольных никому, кроме местных кланов или даже террористических группировок.** ■